

П. Елагин

**Адмирал русского флота Франц Яковлевич
Лефорт или Начало русского флота**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Елагин**
Адмирал русского флота Франц Яковлевич Лефорт или Начало русского флота / П. Елагин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 100 с.

ISBN 978-5-458-55379-7

Вышедшее в качестве приложения к Морскому Сборнику жизнеописание первого адмирала русского флота.

ISBN 978-5-458-55379-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

усиленнаго труда и упорной борьбы. Ему необходимы были помощь и содѣйствіе, матеріальныя и нравственныя, для того, чтобы проложить себѣ путь, слѣдуя которому, онъ долженъ былъ прійти къ гигантскимъ результатамъ. Этимъ обусловливается вся исторія его внутренняго развитія, на которую и слѣдуетъ обращать особенное вниманіе при оцѣнкѣ его предпріятій и твореній. Только при изученіи ея можно себѣ объяснить и представить въ надлежащемъ свѣтѣ многія, поражающія насъ съ перваго взгляда, дѣйствія и поступки этого гениальнаго человека, къ числу которыхъ принадлежит и назначеніе Лефорты адмираломъ едва созданнаго флота, такъ какъ до этого періода времени мы встрѣчаемъ сего иностранца только на сухопутныхъ ученьяхъ, или командиромъ сухопутныхъ войскъ.

Но, приступая къ изслѣдованію постепеннаго развитія стремленій Петра Великаго—создать флотъ и содѣйствія въ этомъ его любимца и друга, мы считаемъ не лишнимъ бросить взглядъ на упомянутое уже выше предпріятіе Алексѣя Михайловича, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ мы можемъ получить понятіе о тогдашнемъ состояніи Россіи, представлявшемъ столь упорное сопротивленіе всякому стремленію къ преобразованію и прогресу, что одна только необыкновенная гениальная сила, въ соединеніи съ рѣдкимъ самопожертвованіемъ, была въ состояніи найти средства и пути къ выходу изъ подобнаго состоянія и вступить на совершенно новое поприще.

Чѣмъ менѣе русскіе цари XVI и XVII столѣтіи помышляли о корабляхъ и кораблестроеніи, какъ средствѣ къ защитѣ и расширенію предѣловъ государства и къ распространенію торговыхъ сношеній, тѣмъ большей признательности заслуживаетъ рѣшимость царя Алексѣя Михайловича привести наконецъ въ исполненіе планъ, неоднократно уже задумываемый иностранцами и служившій къ преуспѣянію Россіи. Когда армянская компанія, состоявшая изъ персіянъ, повторила уже прежде сдѣланное нѣсколько разъ другими предложеніе вести подъ его покровительствомъ торговлю шелкомъ и другими товарами чрезъ Россію, онъ не только далъ требуемое дозволеніе, но изъявилъ даже готовность взять на себя заботы о безопасномъ провозѣ товаровъ изъ Персіи въ Астрахань и отсюда чрезъ все свое государство. Для этого нужно было имѣть не только на низовьяхъ и въ устьѣ Волги, но и на самомъ Каспійскомъ морѣ, вооруженныя суда, которыя предохраняли бы купцовъ отъ нападений и грабежей постоянно кочевавшихъ здѣсь татарскихъ и казачьихъ разбойничьихъ шаякъ.

Царь обратилъ особенное вниманіе на это обстоятельство и, даровавъ въ 1667 году армянской компаніи требуемая ею привилегіи, сталъ дѣятельно заботиться о приобрѣтеніи нѣсколькихъ военныхъ судовъ; онъ желалъ, чтобы они строились въ его государствѣ, вблизи отъ Москвы, въ селѣ Дединовѣ, въ коломенскомъ уѣздѣ московской губерніи. Отъ этого села, лежащаго на Окѣ, недалеко отъ впаденія въ нее Москвы рѣки, въ стращѣ, изобильной лѣсомъ, выстроенныя суда могли быть удобно сплавляемы по Окѣ и Волгѣ въ Астрахань. Исполненіе этого, безспорно, весьма труднаго предпріятія Алексѣй Михайловичъ поручилъ своему любимцу, начальнику посольскаго приказа, боярину Афанасію Лаврентіевичу Ордынъ-Нащокину, человѣку честному, заслуженному и наиболѣе способному къ осуществленію задуманнаго плана. Такъ какъ читателямъ Морскаго Сборника вѣроятно извѣстны подробности относительно приведенія въ исполненіе этого, во всякомъ случаѣ, не легкаго предпріятія, и печальный конецъ его, то мы умолчимъ о нихъ, указавъ на подробную и интересную статью покойнаго генералъ-маіора Висковатова, подъ заглавіемъ: «Строеніе военныхъ судовъ въ Россіи при царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ» (см. Морской Сборникъ т. XX 1856 г. № 1). Скажемъ только, что голландецъ Карстенъ Брандтъ, сдѣлавшійся впоследствии лицомъ историческимъ и назвавшій Петромъ корабельнымъ плотникомъ и констапелемъ, возвратился послѣ сожженія Стенькою Разинымъ судовъ, стоявшихъ въ Астрахани, въ Москву, гдѣ занимался столярнымъ мастерствомъ.

Эта неудача, испытанная царемъ въ столь важномъ стремленіи къ развитію своего народа и протекавшая скорѣе отъ непониманія дѣла и слѣпаго сопротивленія всякому нововведенію, чѣмъ отъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, произошла приблизительно за двадцать лѣтъ до того замѣчательнаго дня, когда юный Петръ случайно увидаль ботикъ, указавшій ему цѣль, которой онъ такъ быстро достигъ.

Тридцать лѣтъ спустя, будучи уже могущественнымъ государемъ и побѣдителемъ всѣхъ своихъ враговъ на морѣ и на сушѣ и приобрѣтя «обѣ руки», онъ вспомнилъ этотъ эпизодъ своей жизни. Въ 1719 году, трудясь надъ изданіемъ морскаго устава, онъ составилъ замѣчательное описаніе своего перваго знакомства съ паруснымъ судномъ и послѣдующихъ усилій удовлетворить своей любознательности (*).

(*) Подлинная рукопись находится въ кабинетѣ Его Величества. Отдѣленіе 1, книга 8; текстъ ея былъ уже напечатанъ нѣсколько разъ.

Петръ рассказываетъ, какимъ образомъ онъ нашелъ съ Францомъ Тиммерманомъ между вещами, принадлежавшими Никитѣ Ивановичу Романову, невиданную имъ до тѣхъ поръ англійскую шлюпку и какъ совершилъ на ней первую свою поѣздку по Яузѣ подъ руководствомъ Карстена Брандта, какъ попалъ потомъ на Переславское озеро и тамъ въ самое короткое время построилъ нѣсколько судовъ. Для насъ достаточно будетъ замѣтить, что Петръ познакомился съ иностраннымъ ботомъ, — названнымъ имъ впоследствии «дѣдушкою русскаго флота» и давшимъ новую пищу для своей любознательности, — въ 1688 году. Въ томъ же году онъ тайно предпринялъ свое первое путешествіе въ Переславль Залѣскій, чтобы посмотреть на тамошнемъ озерѣ эволюціи паруснаго судна, доставленнаго туда сухимъ путемъ. Зрѣлище это возбудило въ немъ новыя желанія и стремленія.

Переславль Залѣскій — старинный городъ, достигшій значенія и могущества гораздо ранѣе Москвы, въ правленіе перваго великаго князя всея Руси Данила Александровича былъ присоединенъ къ княжеству московскому. Послѣ этого присоединенія онъ сталъ постепенно приходитъ въ упадокъ, такъ что въ царствованіе Петра сдѣлался небольшимъ и во всѣхъ отношеніяхъ незначительнымъ городомъ. Переславль Залѣскій находится въ ста двадцати пяти верстахъ отъ Москвы; на пути между этими городами лежитъ Троицко-Сергіевская лавра, самый городъ окруженъ двумя озерами и имѣетъ весьма красивое мѣстоположеніе. Озеро, на правой сторонѣ города, называется Переславскимъ, а находящееся на лѣвой — Плещеевскимъ; послѣднее больше перваго и по новѣйшимъ измѣреніямъ имѣетъ въ окружности 30 верстъ, въ длину 10 и въ поперечникѣ 8. Лефортъ, часто бывавшій здѣсь, опредѣляетъ ширину его въ два лье, а длину приблизительно въ четыре лье. На срединѣ озера глубина доходитъ до 6 сажень. На востокѣ оно принимаетъ въ себя рѣчку Трубежъ, а съ запада изъ него вытекаетъ рѣка Векша, впадающая въ Волгу подъ именемъ Нерли.

Эта мѣстность, показавшаяся Петру Великому очень выгодною и удобною, навела его на мысль, не ограничиваясь однимъ судномъ, приступить къ приведенію въ исполненіе болѣе обширныхъ плановъ. Онъ тотчасъ же рѣшился завести еще нѣсколько другихъ судовъ и начать съ ними совершенно другіе опыты. Весьма вѣроятно, что уже тогда было выбрано на берегу рѣки Трубежа мѣсто для устройства верфи, и престарѣлый Карстенъ Брандтъ приступилъ къ работѣ.

Возвратившись благополучно изъ этой тайной поѣздки, Петръ рѣ-

шился открыто заявить свои желанія и планы. Несмотря на выраженные царицею-матерью опасенія и боязнь, она не препятствовала открыто намѣреніямъ своего сына. Петръ, раннею весною слѣдующаго года, снова отправился въ Переславль, гдѣ работы на верфи, безъ сомнѣнія, продолжались всю зиму (къ несчастью, мы не имѣемъ объ этомъ точныхъ свѣдѣній). Онъ засталъ два судна почти готовыми, благодаря дѣятельности корабельнаго плотника и констапеля Карстена Брандта и другаго голландца, Курта, который вскорѣ за тѣмъ и умеръ въ Переславль. Но Петръ пріѣхалъ туда не съ единственною цѣлю посмотреть на работы и развлечь себя. Съ удивительной въ его возрастѣ любовью къ труду и энергіею онъ взялся за топоръ и принялся за работу, преодолевая всѣ затрудненія и не только неотставая отъ прочихъ, но даже служа имъ примѣромъ. О такомъ настроеніи его духа свидѣлствуетъ драгоценный документъ—письмо его къ матери, посланное изъ Переславля въ апрѣль мѣсяцѣ; безъ сомнѣнія, это, въ своемъ родѣ, первое собственноручно написанное имъ письмо (*).

«Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моеѣ матушкѣ, государынѣ, царицѣ и великой княгинѣ Натальѣ Кириловнѣ. Сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка, благословенія прошу, и о твоёмъ здоровіи слышать желаю; а у насъ, молитвами твоими, здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа и суды всѣ, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами станеть; и о томъ милости прошу, чтобы тѣ канаты, по семисотъ сажень, изъ пушкарскаго приказу, не мѣшкавъ, присланы были. А за ними дѣло станеть, и житье наше продолжится. По семъ паки благословенія прошу.»

Когда, вельдъ за тѣмъ, царица писала ему, чтобъ онъ возвращался скорѣе, потому что вся царская семья собиралась служить 27 апрѣля навихиду въ архангельскомъ соборѣ, по случаю дня кончины царя Θεодора Алексѣевича, Петръ отвѣчалъ ей (·): «Вселюбезнѣйшей и дражайшей моеѣ матушкѣ, государынѣ, царицѣ Натальѣ Кириловнѣ, недостойный сынишко твой, Петрушка, о здоровіи твоёмъ слышать желаю. А что изволила ко мнѣ приказывать, чтобы мнѣ быть въ Москвѣ, и я быть готовъ; только, ей-ей, дѣло есть. Что присланный самъ видѣлъ, извѣстять яснѣе; а мы, молитвами твоими, во всякой цѣлости

(*) Устряловъ, въ своей Исторіи царствованія Петра Великаго ч. II, стр. 401, сообщаетъ текстъ и факсимиле этого письма.

(·) См. Исторію царствованія Петра Великаго, Устрялова ч. II, стр. 401.

пробываемъ. О бытіи моемъ пространнѣ писалъ я ко Льву Кирилловичу, и онъ тебѣ, государынѣ, донесеть. Посемъ и наипокорственню предаюсь въ волю вашу. Аминь.»

Наталья Кириловна стояла на своемъ: Петръ долженъ былъ возвратиться къ панихидѣ, но оставался въ Москвѣ недолго, и 8 іюня снова писалъ матери, что находится при судахъ, о которыхъ онъ отзывался, «*что удались ось zelo хорошо*». «По семъ», присовокупляетъ онъ, «дай Господь здравія душѣ и тѣлу, якоже азъ желаю (*).»

Мы не можемъ опредѣлить съ точностью, какъ долго онъ оставался въ Переславлѣ, хотя намъ и извѣстно, что его опять требовали въ Москву къ 8 іюня на вторичную панихиду по царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ. Во всякомъ случаѣ, въ половинѣ іюли онъ уже находился въ селѣ Преображенскомъ, когда воеводы возвращались въ Москву изъ несчастнаго крымскаго похода.

Вслѣдъ за тѣмъ разразилась роковая катастрофа, бывшая для Петра Великаго началомъ борьбы за новую эру Россіи. Угрожаемый смертию и заключенный въ монастырь, гдѣ онъ искалъ спасенія, юный царь едва ли могъ думать о своихъ судахъ, а еще менѣе о продолженіи работъ на верфи. Въ продолженіе пятинедѣльнаго пребыванія Петра въ Троицко-сергіевомъ монастырѣ, работы эти совершенно изгладились въ его памяти, такъ что, когда предпринятые имъ вслѣдъ за тѣмъ упражненія и маневры привели его въ сосѣдство Переславля, онъ и не посѣтилъ этого города для того, чтобы посмотрѣть на производившіяся тамъ работы или сдѣлать нѣкоторыя распоряженія. По возвращеніи его въ Москву онъ и не вспоминалъ о верфи на рѣкѣ Трубежѣ. Препятствовали ли ему покушуть столицу тогдашніе безпорядки, или онъ былъ до того занятъ военными играми и стараніемъ придать имъ организацію, или, наконецъ (что кажется намъ всего вѣроятнѣе), не понималъ еще важности и настоящаго значенія своихъ недавнихъ занятій? Основываясь на собственныхъ разсказахъ Петра о его страсти къ прогулкамъ по водѣ, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ не понималъ еще тогда коммерческаго, общественнаго и политическаго значенія мореплаванія. Между своими окружающими онъ почти не находилъ людей образованныхъ, которые могли бы дать ему необходимыя объясненія, и потому его легко было отвлечь отъ производившихся вдали отъ него работъ,

(*) См. Исторію царствованія Петра Великаго Устрялова ч. II, стр. 401.

непонятныхъ и непріятныхъ для его матери, жены и прочихъ родственниковъ. Къ тому же, онъ могъ совершать свои любимыя прогулки по водѣ и вблизи столицы, на рѣкѣ Москвѣ. Что это дѣйствительно было такъ, мы можемъ видѣть изъ дневника генерала Гордона, который говоритъ, что «27 апрѣля 1690 года царь Петръ Алексѣевичъ отправился на яхтѣ въ село Коломенское. Генералы (въ томъ числѣ и Гордонъ) и другіе офицеры слѣдовали за нимъ на маленькихъ судахъ. Большія суда, на которыхъ находились стрѣльцы, шли впереди. Выйдя въ полдень, они пришли къ назначенному мѣсту съ закатомъ солнца (пройдя пространство въ 20 верстъ)». Далѣе Гордонъ пишетъ, отъ 28 числа, что «Его Величество (въ этотъ день) отправился далѣе и въ одной деревнѣ обѣдалъ у Алексѣя Петровича Салтыкова». Изъ словъ Гордона, что «туда и обратно они шли водою», и что (30 апрѣля) «Его Величество съ боярами и знатнѣйшими придворными особами ужиналъ у меня», слѣдуетъ заключить, что Петръ возвратился изъ этой поѣздки въ Москву, а на слѣдующій день, 1 мая, совершилъ вторичную поѣздку, отправясь, по словамъ Гордона, водою въ имѣніе одного камеръ-пажа, и вернулся оттуда на другой день (*).

Эти двѣ увеселительныя поѣздки, совершенныя въ 1690 году, весною, безъ сомнѣнія, во время полноводія на Москвѣ рѣкѣ, представляютъ собою единственныя доказательства привязанности Петра Великаго къ морскому дѣлу. Послѣ того прошелъ почти цѣлый годъ, прежде чѣмъ онъ снова принялся за прежнія занятія, приказавъ выстроить въ Москвѣ *новую* яхту, которая и была спущена на воду 14 марта 1691 года.

Сопоставляя это извѣстіе, сообщаемое генераломъ Гордономъ, съ рассказомъ шведскаго посланника въ Москвѣ, фонъ-Кохена, мы можемъ предположить, что самъ царь строилъ это судно. Въ слѣдующія затѣмъ четыре или пять недѣль онъ предпринималъ на немъ различныя поѣздки по окрестностямъ, вѣроятно, на сколько позволяла ему глубина рѣки. Мелководіе рѣки не дало ему возможности возвратиться тѣмъ же путемъ, и потому онъ вернулся въ Москву сухимъ путемъ. Такъ какъ его свита была довольно многочисленна, то для нея были приготовлены, какъ и въ предшествовавшемъ году, обыкновенныя весельныя лодки, слѣдовавшія за яхтою. Дорогою онъ заѣзжалъ въ монасты-

(*) См. Дневникъ Гордона ч. II стр. 302.

ри, какъ напр., Св. Николая на Угрѣшахъ, или въ помѣстьяхъ дворянъ, гдѣ онъ обѣдалъ и даже ночевалъ (*).

Если съ половины 1689 года, въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ, различныя причины и заставляли Петра Великаго забывать о своихъ постройкахъ въ Переславлѣ, какъ это можно предполагать, за немѣнѣемъ свѣдѣній о томъ, что Петръ занимался чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ, то съ другой стороны, настоящее время было самымъ важнымъ періодомъ его жизни и принесло вскорѣ прекраснѣйшіе плоды. Въ этой то эпохѣ слѣдуетъ подмѣчать всѣ моменты, которые, по свойству своему, должны были имѣть сильное вліяніе на его жизнь и исторію его народа.

Чѣмъ болѣе расширялся кругъ его познаній и развивались его умъ и самостоятельность, чему такъ много способствовали жители иѣмецкой слободы и между ними въ особенности Лефорть, тѣмъ быстрѣе должна была видоизмѣняться его прежняя страсть къ ерогулкамъ по водѣ. Петръ, благодаря сношеніямъ съ иностранцами, принадлежавшими преимущественно къ торговому сословію, ознакомившись короче съ свойствами корабля и его торговымъ, общественнымъ и политическимъ значеніемъ, при помощи своихъ гениальныхъ способностей, тотчасъ же принялся за дѣло. Прежнія увеселительныя поѣздки его по водѣ и работы, имѣвшія цѣлю удовлетвореніе этой забавѣ, должны были получить другое направленіе. Можно сказать положительно, что поѣздка въ Переславль, въ началѣ зимы 1691 года, и осмотръ тамъ судовъ были предприняты чисто въ слѣдствіе совершенно новыхъ воззрѣній и намѣреній его относительно этого предмета (.)

По всѣмъ вѣроятіямъ, Петръ, по возвращеніи изъ своей первой поѣздки въ Переславль, куда онъ отправился 16 ноября, снова ѣздилъ

(*) Такъ какъ судно, на которомъ находился Петръ, названо здѣсь «*яхтою*», то тѣмъ болѣе сомнительнымъ кажется предположеніе, что это была именно англійская шлюпка, такъ какъ она была перевезена въ Переславль и вѣроятно находилась еще тамъ.

Означенныя свѣдѣнія почерпнуты тоже изъ Дневника Гордола ч. II, стр. 336—338, но при этомъ мы должны замѣтить, что Гордонъ пишетъ отъ 27 марта 1691 года: «*большая яхта спущена на рѣку*». Если подъ этою яхтою разумѣть ту, которая употреблялась въ прошломъ году, то изъ сего слѣдуетъ заключить, что у Петра стояли на рѣкѣ уже двѣ яхты. Извѣстіе, сообщаемое Кохеномъ, находится въ письмѣ его къ рижскому губернатору. Бергманъ, Исторія Петра Великаго и пр., ч. II, стр. 186.

(*) Поѣздки Петра въ Переславль въ такое позднее время, когда озера и рѣки покрылись уже льдомъ, можно объяснить тѣмъ, что большіе маневры сухопутныхъ войскъ окончились только въ половинѣ октября.

туда. Хотя Гордонъ, у котораго мы заимствуемъ единственныя свѣдѣнія объ этомъ времени, и говоритъ относительно второй поѣздки (9 декабря) только то, что «*царь выѣхалъ за два часа до разсвѣта*», но конечно главною цѣлью этой поѣздки могъ быть только Переславль. Это подтверждается также тѣмъ, что онъ возвратился въ Москву чрезъ Троицкую лавру, куда на встрѣчу къ нему выѣхалъ Гордонъ. До насъ сохранилось письмо датскаго посланника Баутенанта отъ 12 декабря 1691 года, въ которомъ сказано, что «Его Величество отправился за пятьсотъ лье для обозрѣнія (visiter) своего государства». Это указаніе не противорѣчитъ нашему предположенію, а служитъ только доказательствомъ, что, предпринимая эту поѣздку, Петръ имѣлъ въ виду и другія цѣли. Не искалъ ли онъ болѣе обширнаго, удобнаго озера, чѣмъ Переславльское? Не было ли это именно Кубенское озеро, куда онъ, по словамъ предисловія къ морскому уставу (стр. 48), ѣздилъ съ намѣреніемъ отыскать болѣе обширныя воды. Объ этомъ обстоятельстве мы нигдѣ не находимъ никакого другаго извѣстія (*).

Изъ приведеннаго выше письма къ А. Лефорту, синдикку города Женевы, мы узнаемъ, что въ этомъ путешествіи сопровождалъ царя генераль Лефортъ. Это составляетъ первое свидѣтельство о томъ, что Петръ заставлялъ своего любимца принимать участіе въ предстоящихъ трудахъ и желалъ имѣть его при себѣ въ качествѣ совѣтника или сотрудника. Это обстоятельство не покажется страннымъ, если мы припомнимъ, что, судя по другимъ извѣстіямъ этого времени, Лефортъ былъ почти неразлученъ съ Петромъ. Находился ли вообще этотъ неразлучный спутникъ Петра Великаго въ Переславлѣ и во время пребыванія царя въ этомъ городѣ зимою и весною слѣдующаго года (съ 8 по 26 февраля, съ 3 по 12 марта и съ 5 апрѣля по 9 мая) и чѣмъ онъ занимался въ то время, трудно опредѣлить въ точности; но эта догадка подтверждается тѣмъ, что царь весною приказалъ отстроить для него домъ въблизи верфи (.)

Что онъ принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ, видно также изъ того, что когда Петръ, 22 іюля, со всеѣмъ своимъ дворомъ отправился въ Переславль, то Лефортъ получилъ приказаніе остаться на время въ

(*) На означенной страницѣ морскаго устава говорится также, что Кубенское озеро, *ради мелкости, неудобное.*

(*) Гордонъ, который, какъ достоверно извѣстно, находился въ Переславлѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, купилъ тамъ себѣ дождъ за 55 руб. (Дневникъ его Ч. II. стр. 373).

Москвѣ для исполненія нѣкоторыхъ порученій и необходимыхъ распоряженій.

Въ продолженіе всего этого времени на берегу Плещеевскаго озера кипѣла работа. Въ южной части его, въ двухъ верстахъ отъ города, за селомъ Веськовымъ, былъ выстроенъ для него деревянный одноэтажный домъ; налѣво отъ дома находилась деревянная церковь, направо батарея; передъ окнами была устроена пристань (выдававшаяся въ озеро на сто сажень); здѣсь стояли лѣтомъ его суда (*). Кромѣ своего стараго корабельнаго мастера, царь взялъ съ собою въ Переславль 16 самыхъ сильныхъ и ловкихъ товарищей его изъ бомбардирской роты. Эти ученики или корабельнаго дѣла мостильщики, какъ они себя называли (по словамъ письма Іоакима Воронина, самаго лучшаго и дѣльнаго между ними), должны были работать топорами такъ же дѣятельно и съ такою же энергіею, какъ ихъ мастеръ, который до того углубился въ работу на своей верфи, что не хотѣлъ вернуться въ Москву къ зрѣлищу, которое для него должно было быть весьма интереснымъ. Въ столицѣ готовились тогда къ встрѣчѣ и приему многочисленнаго персидскаго посольства, привезшаго ему между прочимъ въ подарокъ пару львовъ. Его могли уговорить вернуться въ Москву только два боярина, нарочно для того пріѣхавшіе изъ столицы (*).

Хотя, основываясь на запискахъ одного изъ голландцевъ, жившихъ въ Москвѣ, по имени Номена (Noomen), Шсельтема *) и утверждаетъ, что въ это время Петръ Великій уже принялъ въ свою службу нѣсколькихъ голландскихъ корабельныхъ мастеровъ, — между которыми самымъ свѣдущимъ былъ *Argien Varendsoon Meetze*—и вмѣстѣ съ ними работалъ на верфи; но это указаніе, не подкрѣпляемое никакими доказательствами, можетъ быть принято только съ большою осмотрительностію, и скорѣе представляется намъ весьма сомнительнымъ. Различныя обстоятельства скорѣе говорятъ въ пользу того, что коронованный плотникъ имѣлъ при себѣ только одного Карстена Брандта. Точно также остается нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, когда былъ взятъ въ помощники мастеръ Класъ или Никласонъ (*Klas oder Niclason*), по смерти ли Брандта, послѣдовавшей въ іюнѣ мѣсяцѣ (Гордонъ упоминаетъ о его похоронахъ, бывшихъ въ Москвѣ 8 іюня), или до нея?

(*) См. Исторію царствованія Петра Великаго, Устрялова. Ч. II, стр. 141.

(*) См. Дневникъ Гордона. Ч. II, стр. 367 и 368.

*) *Scheltema, Jacobus, Rusland en de Nederlanden. Te Amsterdam 1817. 4 vol. см. ч. II, стр. 53 — 61.*

Два небольшіе фрегата и три яхты, отстроенныя въ 1689 году Петромъ на трубежской верфи, были еще цѣлы, но въ какомъ жалкомъ положеніи они находились, можно видѣть изъ письма Іоакима Воронина къ Петру, отъ 9 мая 1692 года изъ Переславля (*):

«Пишутъ ученики твои изъ Переславля Залѣскаго, корабельнаго дѣла мостильщики, щегольнаго дѣла мастерства Якимко Воронинъ съ товарищи 16 ч. челомъ бьютъ за твое мастерское ученіе. По твоему учительскому приказу намъ, ученикамъ, что которую яхту опрокинули въ водѣ, и тое яхту мая въ 9 день взяли и воду изъ нея вылили; а чердакъ у нее сломало, у юферовъ желѣзо переломало и ее взвели къ мосту, и она зѣло качка, на одну сторону клонится. А другую яхту взвели тутъ же къ мосту небольшими людьми и парусомъ и взведши поставили на якорь. И по сіе число шла она хорошо».

Основываясь на этомъ письмѣ, мы должны предположить, что юный царь не плавалъ по озеру на своихъ прежнихъ судахъ, а былъ постоянно занятъ плотничною работою и непостижимо быстрою постройкою новыхъ судовъ. Это предположеніе въ сущности совершенно справедливо, если принять въ соображеніе, что «флотъ», какъ выражается Лефортъ, былъ окончательно сооруженъ уже въ іюль мѣсяцѣ. Если ему помогала и въ этомъ особенная ловкость и умѣнье русскаго народа обращаться съ топоромъ, то съ другой стороны, не должно упускать изъ виду, что въ Переславль Залѣскомъ онъ не имѣлъ подъ руками никакихъ матеріаловъ, необходимыхъ для постройки и оснастки военнаго судна, какъ бы мало оно ни было, и всѣ самыя ничтожныя вещи должны были быть доставляемы по крайней мѣрѣ изъ Москвы. Намъ нѣтъ нужды упоминать, что при этомъ главнымъ условіемъ успѣха должно было быть точное, энергическое и добросовѣстное выполненіе желаній, порученій и приказаній царя. Надо также принять въ соображеніе, что юный царь, въ противоположность еще столь недавнему времени, имѣлъ уже тогда въ своемъ распоряженіи людей, настолько дѣятельныхъ и преданныхъ ему, что при помощи ихъ, онъ могъ преодолевать большія затрудненія и приводить въ исполненіе дѣла, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ. Что Лефортъ принадлежалъ къ числу этихъ сподвижниковъ Петра, можно заключить изъ слѣдующаго.

(*) Въ тотъ самый день, когда Петръ отправился изъ Переславля обратно въ Москву.